

На первый взгляд в период триумфального шествия *глобализации* лозунг «научить жить вместе!» кажется неактуальным. Однако, настаивая на нем, мне хотелось бы подчеркнуть, что мало кто ожидал на исходе XX в. взрыва межэтнических конфликтов, распространения ксенофобии. К сожалению, мы пока еще недостаточно знаем природу человека и межличностных отношений.

Атака экстремистов на нью-йоркские «башни-близнецы» актуализировала выдвинутое в середине 90-х гг. некоторыми учеными (например, Н. Боббио) предположение, что кризис политических идеологий и политических партий и систем, возникших в период модерна, выдвинул на первый план принципиально новую политическую антиномию: *«экстремизм — не-экстремизм»*.

Таким образом, восприятие и формирование толерантной культуры поведения в международных отношениях представляется возможным на основе современной методологии научного анализа мировых политических процессов.

Уральский межрегиональный институт общественных наук как научная структура, ставящая во главу угла развитие междисциплинарных подходов в изучении общественных явлений и на их основе формирование толерантного поведения, открывает благоприятные возможности для достижения поставленных целей на основе использования современного научного инструментария.

А. В. Перцев
Екатеринбург

МЕНТАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

1

Резкое обострение международной обстановки в мире, произошедшее в последние месяцы 2001 г., заставляет существенно скорректировать подход к исследованию проблемы толерантности. До сих пор основное внимание уделялось поиску форм и методов, с помощью которых можно перевести открытые столкновения, сопровождающиеся насилием, в переговорные процессы, т. е., выражаясь упрощенно, усадить борющиеся стороны за стол переговоров.

Сегодня, после террористических ударов по США, после активизации террористической деятельности в Израиле, после раз-

взвешивания «почтовой» бактериологической войны во многих странах мира и после начала ответных антитеррористических операций, может возникнуть впечатление, что такая политика толерантности дискредитировала себя как неэффективная. Может даже показаться, что не склонная к толерантности сторона расценивала ее как проявление слабости, что толерантность лишь провоцировала эскалацию притязаний непримиримых субъектов. Да можно ли говорить об актуальности исследований толерантности тогда, когда некоторые обозреватели завели речь о начале третьей мировой войны?

Представляется, что говорить об актуальности исследований толерантности можно и нужно. Причем именно сегодня, именно в этой исторической ситуации. Однако требуется иная расстановка акцентов и приоритетов. Собственно говоря, это следовало сделать уже давно по чисто теоретическим резонам. Сегодняшние всплески насилия в мире лишь подталкивают к давно назревшим теоретическим выводам.

Уроки сегодняшнего развития международных отношений показали: толерантность в том виде, в котором она, главным образом, исследовалась донныне:

- это толерантность, принципы которой были развиты в космосе западной культуры — культуры индустриально-рыночной цивилизации;

- это толерантность, достигаемая в отношениях между людьми, которые принимают европейские ценности, распространявшиеся на протяжении Нового времени усилиями просвещения и ставшие ныне под названием «общечеловеческих ценностей» основой для документов международного сообщества;

- это толерантность, обеспечиваемая и обосновываемая строго рациональными средствами, достигаемая на разумной основе, причем «разум» опять-таки трактуется в традиции европейской культуры.

Однако реакция на террористические удары, наблюдавшаяся во всем мире, убедительно продемонстрировала, что «общечеловеческие ценности», некогда открытые и обоснованные в космосе европейской культуры Нового времени, разделяются далеко не всеми. Речь идет не только о так называемых «странах-изгоях», не только об экстремистски настроенных кругах в мусульманских странах. В России, как и в других странах, являющихся членами ООН, по результатам экспресс-опросов, значительная часть населения отнеслась к ударам террористов по

США, к гибели тысяч людей с безразличием, а порой и со злорадством. Каким бы ни был исход контртеррористических операций, эта часть населения останется при своем мнении.

Следовательно, возникает закономерный вопрос: почему воспитание в духе гуманизма, уважения к правам человека, признания человеческой жизни высшей ценностью — воспитание, которым, как предполагается, занимается вся система образования в России и в иных странах мира, — оказывается в значительной мере неэффективным? Почему западноевропейская культура, ценности которой — свобода, демократия, уважение к правам человека, толерантность и ненасилие — были предназначены стать базовыми для мирового сообщества, так и не привилась, не пустила корни в умах представителей целого ряда социальных слоев? Почему во всех странах мира, включая европейские, существует и ширится движение против нее, известное как движение антиглобалистов?

На то существуют причины различного порядка. Но если говорить, в соответствии с темой нашей статьи, о тех причинах, которые коренятся в сфере сознания, то одной из них оказывается *поверхностное либо тенденциозное толкование толерантности* в западном обществе, непонимание того, что толерантность сама по себе еще отнюдь не обеспечивает действительного взаимопонимания между представителями различных этносов, социальных слоев, между носителями различных культур.

Многие сторонники толерантности видят в ней панацею, лекарство от всех социальных бедствий. Они не осознают при этом, что толерантность — лишь *промежуточный этап в движении от конфликта к действительному взаимопониманию и взаимодействию*.

2

Исследователю, который поставил своей целью изучение проблем толерантности, постижение и достижение ее, естественно, представляется *конечным результатом, итогом*. Если толерантность будет достигнута на практике благодаря его усилиям, он сочтет свою задачу полностью выполненной. Но это всего лишь взгляд специалиста, который сосредоточил все свое внимание на решении частной задачи, перестав видеть общую картину. А в рамках общей картины толерантность — это всего лишь *промежуточное состояние, лишь переход*, который не может затягиваться надолго.

Толерантность — это переходное состояние от конфликта, выливающегося в насилие, к взаимопониманию и сотрудничеству.

При таком изменении взгляда на проблему очень многие ее стороны начинают видиться по-иному. Состояние толерантности как состояние переходное не может быть самоцелью. Долго оставаться в этом промежуточном состоянии невозможно: если нет движения вперед, к взаимопониманию и сотрудничеству, неизбежно соскальзывание назад, к открытому конфликту, который может разгореться с еще большим ожесточением.

Толерантность — это позиция неустойчивого равновесия. Хотя бы потому, что устойчивость в отношениях между людьми не может основываться на одной только доброй воле и рациональных этических *соображениях*. Разум — вещь гибкая и изменчивая. В каждую следующую секунду он уже не равен себе прежнему. Строить на нем — значит строить на песке. Устойчивость может обеспечиваться только рутинными, вошедшими в привычку, т. е. уже не требующими осмысления и постоянного морального выбора, действиями.

Следует учесть также, что отдельный человек вовсе не тождествен разуму, как было принято полагать у просветителей и их наследников. Сегодня никто из серьезных исследователей не подпишется безоговорочно под сентенцией Гегеля: «Человек есть дух». В человеческой психике есть множество факторов, способных заставить его отказаться от сознательно принятого решения. А потому полагаться на сознательное решение при построении прочных межчеловеческих отношений нельзя, даже если принявший его человек дает зарок быть верным своему слову и известен как человек уравновешенный. Что же касается группы людей, малой или большой, или народа, взятого в целом, то даже во времена просветительства эти сообщества отнюдь не рассматривались как сообщества мыслителей, склонных к сознательному самоограничению. К сожалению, достаточно нескольких провокаторов, чтобы в одночасье разрушить с таким трудом достигнутые отношения толерантности, прекратить тяжелый переговорный процесс, нацеленный на мирное урегулирование конфликтов.

Толерантность всегда неустойчива потому, что она возникает в конфликтной ситуации. Конфликт сложен и отличается остротой. И толерантность сама по себе отнюдь не разрешает этого конфликта, не устраняет его причин, не снимает противо-

речия между конфликтующими сторонами. Она всего лишь переводит развитие конфликта в *относительно* мирное, ненасильственное русло. **Отсутствие войны еще не означает мира.** Стороны конфликта остаются на своих исходных позициях. Они всего лишь отказываются от вооруженной борьбы. Конфликт продолжается за столом переговоров. «Горячая» война переходит в «холодную» и ведется до тех пор, пока существует *образ врага*. Но разрушить *образ врага* невозможно, не заменив его другим образом — причем образом привычным, хорошо знакомым, воспринимаемым как нечто само собой разумеющееся. Что возможно только при переходе к устойчивому сотрудничеству.

3

Конфликт, перенесенный с поля «горячей» или «холодной» войны за стол переговоров, может развиваться по двум основным сценариям.

Первый сводится к тому, что одна из сторон, навязав оппоненту военное перемирие, продолжает добиваться своей победы иными, «ненасильственными» средствами. Кавычки здесь вполне уместны, поскольку экономическая экспансия или блокада, массированное насаждение своего образа жизни на территории вчерашнего врага под прикрытием переговоров едва ли можно считать формами ненасильственного мирного существования. Это всего лишь иные, невоенные способы добиться от противника капитуляции. Точно таким же способом принуждения к капитуляции является использование своего превосходства в аргументации, достигаемого путем навязывания оппоненту состязания на своем культурном поле, по своим правилам, выступая одновременно и состязающейся стороной, и арбитром, определяющим победителя. Научно-рационалистическое *переубеждение оппонента* также является продолжением войны другими средствами. Не случайно слово «полемика», ныне используемое в научных спорах, первоначально означало войну до полного поражения противника на поле боя.

Иными словами, первый сценарий предполагает понимание толерантности как средства обеспечения себе **победы** над противником без использования насильственных средств. Победы, достигаемой не мытьем, так катаньем, не мощью оружия, так мощью экономической или мощью интеллектуальной. Победа здесь равнозначна утрате противником его идентичности, отказу от собственной системы основополагающих жизненных цен-

ностей. Нет ничего удивительного в том, что, почувствовав себя проигравшим, оппонент снова берется за оружие.

Второй сценарий предполагает устремленность не к победе, а к установлению устойчивого **сотрудничества** со вчерашним противником. Точно так же, как *победа* может быть обеспечена только при условии совместных действий представителей армии, экономики, политики и культуры, *сотрудничество* может быть достигнуто только при реализации единой жизненной стратегии представителями всех этих основных родов человеческой деятельности.

Правда, довольно трудно представить себе армию, которая ставит перед собой иную цель, чем победа над врагом, армию, которая не имеет перед собой образа «вероятного противника». Это трудно, но возможно. На протяжении последнего десятилетия российская армия живет без такого образа. В возможности этого убеждает идея войск ООН, осуществляющих миротворческие функции, а также реализация концепции сотрудничества России с НАТО, не направленного против третьих стран, — концепции, немыслимой еще десятилетие назад. Идея борьбы не с народами, а с террористами как международной антигосударственной и антиобщественной силой тоже способствует развитию в том же направлении: соединяющие свои усилия армии как вооруженные силы государств выступают гарантами сохранения принципа государственности вообще. Наконец, современные армии в сотрудничестве своим способны противостоять природным и экологическим катастрофам. На наших глазах обретает вес и новое, невиданное ранее содержание идея войсковых формирований Министерства по чрезвычайным ситуациям. Спасатели, постоянно готовые к сотрудничеству со своими коллегами из других стран, все более воплощают в себе единое человечество, противостоящее природной стихии и бедствиям техногенного происхождения.

Жизненная стратегия, направленная не на победу, а на сотрудничество, точно так же проявляется и в экономике. Экономика сотрудничества с самого начала ориентирована на кооперацию, она не стремится к самодостаточности, к изоляции, постоянно готовясь таким образом к войне и к условиям изоляции. Достижение такого уровня международного разделения труда, при котором ни один сколько-нибудь сложный продукт не может быть произведен полностью в рамках отдельной страны, является наилучшей гарантией мира. Антимоно-

польное законодательство также представляет собой барьер, поставленный на пути экономики, нацеленной на победу над конкурентами и последующий тоталитарный диктат на рынке.

Та же самая жизненная стратегия, ориентированная на сотрудничество, реализуется и в сфере культуры. Она ведет к отрицанию национального пуризма, к взаимообогащению культур. Примеров реализации такой жизненной стратегии достаточно и в театре, и в музыке, и в киноискусстве, и в литературе.

Сказанное отнюдь не означает, что итогом жизненной стратегии сотрудничества должно стать полное слияние и взаиморастворение социальных субъектов, полная утрата ими идентичности. Плодотворной является не утрата противоположности жизненных стратегий борьбы и единения, не победа одной из них над другой, а постоянное взаимоограничение их. Процесс развития межчеловеческих отношений — один и тот же, только видится он по-разному представителями различных жизненных стратегий. Индивидуальный или социальный субъект, постоянно нацеленный на борьбу, на победу, на подавление противника и собственное торжество, видит этот процесс так:

...→ конфликт → толерантность → взаимодействие → конфликт →...

Жизнь постоянно представляется ему движением от конфликта к конфликту. Он всегда готов, вслед за Гераклитом, воскликнуть: «Война есть отец всего!»

Напротив, индивидуальный и социальный субъект, постоянно нацеленный на поиски диалога и сотрудничества, видит тот же самый процесс развития межчеловеческих отношений иначе:

...→ взаимодействие → конфликт → толерантность → взаимодействие →...

Жизнь для него — это движение от интерсубъективности к интерсубъективности, от сотрудничества к новому сотрудничеству в иной форме, *к сожалению*, прерываемое конфликтами и продолжительными поисками их смягчения посредством развития толерантности.

Эти два противоположных способа видения одной и той же жизни достаточно хорошо известны всем и каждому. Но весьма трудно представить себе кого-либо, кроме, пожалуй, профессиональных исследователей и поборников толерантности, кто видел бы развитие межчеловеческих отношений так:

...→ толерантность → взаимодействие → конфликт → толерантность →...

Что лишний раз доказывает: толерантность есть лишь промежуточная, неустойчивая и кратковременная фаза в движении от конфликта к сотрудничеству и взаимодействию.

4

Если толерантность — это всего лишь промежуточная, хотя, разумеется, и крайне важная, весьма сложнодостижимая фаза в развитии межчеловеческих отношений, то акцент переносится с изучения *толерантности как акта*, т. е. толерантности самой по себе, на изучение *толерантности как потенции для чего-то иного*. Толерантность как действительность оказывается менее интересной, чем *толерантность как возможность* для взаимодействия или для возобновления конфликта с применением насилия.

Толерантность есть усилие духа и души. Возвращение к конфликту в насильственной его форме есть неудача этого усилия, попятное движение. Война — всего лишь усилие тела, руководимого инстинктами и прагматически ориентированным интеллектом. Дух и душа в это время дремлют, просыпаясь в краткие минуты привала. Но и рутинное сотрудничество, отлившееся в однообразные, стереотипные формы и застывающее в них, усилий духа и души тоже не требует. Это — царство хайдеггеровского *das Man*, абсолютной *без-личности*, на которую перекладывается неприятный груз мышления и принятия решений.

Войны и рутинное экономическое взаимодействие в условиях мира занимали большую часть времени человечества. Тем не менее краткие вспышки неординарной деятельности духа и души, связанные с поиском нового образа жизни и нового образа мысли, всегда были неизмеримо более интересными для любого интеллектуала. Великие философии возникали именно в поисках толерантности — тогда, когда требовалось найти новую стратегию жизни в нестерпимых условиях, вызывающих сартровскую экзистенциальную *тошноту*. Тогда, когда жить по старому было уже невозможно, но и новая жизнь, складываясь она хаотично, грозила бы привести к бунту, бессмысленному и беспощадному.

Философия Нового времени отнюдь не была философией революции. Она была философией избегания революции, философией предотвращения ее и философией обуздания страстей, уже вырвавшихся на волю при ломке старых, чересчур узких рамок.

Ф. Бэкон был лордом-канцлером Англии и, по должности, главным судьей в государстве, правителем страны в отсутствие короля. На титуле знаменитой книги Т. Гоббса, всю свою жизнь прожившего при дворе, Левиафан — великан, защищавший людей, — в различных изданиях принимал «то облик Кромвеля, то Карла II»¹. Покровителем Дж. Локка был лорд Эшли, впоследствии ставший лордом Шефтсбери и великим канцлером Англии. Именно Локк выступил в трактате «О правлении» защитником английской Славной революции, которая привела к власти принца Вильгельма Оранского. «Здравый смысл Локка нравился Вильгельму и внушал большое доверие и уважение; поэтому он во всех затруднительных случаях обращался за советом к философу»². Французские просветители были в числе интеллектуальных друзей Екатерины II. И. Кант устраивал в своем доме обеды для аристократов и генералов феодальной Пруссии. Гегель прославлял прусскую конституционную монархию как наиболее отвечающий требованиям Абсолютного Духа политический режим.

Зная это, трудно признать справедливость характеристики западной философии Нового времени как философии *буржуазной*. Факты здесь явно принесены в жертву марксистской схеме. Великие философы менее всего думали об интересах только одного общественного класса или слоя, стремясь принести ему победу над остальными. Они думали о благе народа в целом. Они видели основные тенденции в развитии страны и, разумеется, приветствовали одни из них и не приветствовали другие. Но даже тогда, когда они принимали сторону одной из социальных сил, они использовали все свое влияние и дар убеждения, чтобы предотвратить социальные катаклизмы и потрясения, которые могли возникнуть в связи с общественными преобразованиями. Если же этого не удавалось сделать, они выступали за скорейшее переведение конфликта в ненасильственную форму и достижение общественно-го согласия.

¹ Абрамов М. А. Шотландская философия века Просвещения. М., 2000. С. 8.

² Литвинова Е. Ф. Джон Локк: Его жизнь и философская деятельность // Дж. Бруно. Бэкон. Локк. Лейбниц. Монтескье: Биограф. повествования. Челябинск, 1996. С. 191. (Жизнь замечательных людей. Биограф. 6-ка Ф. Павленкова; Т. 24.)

Можно сказать, что европейские философы Нового времени в большинстве своем были людьми, создававшими свои учения для обеспечения плавного, основанного на взвешенных компромиссах, на взаимной толерантности перехода от традиционного общества к обществу индустриальному. Они полагали, что своим влиянием на сильных мира сего смогут смирить страсти в стране, добиться того, чтобы переход от одной формы цивилизации к другой произошел «малой кровью». Они в равной степени ненавидели и застой традиционного общества, и разрушительный хаос массовых бунтов. Каждый из них мог бы сказать известные слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая страна». Именно потому *эти люди поддерживали буржуа в аристократе и аристократа — в буржуа*, стремясь таким образом снять остроту социальной конфронтации в переходный период, перевести развитие в русло толерантности и сотрудничества.

5

Ситуация, в которой необходимо выбирать из двух зол — застоя и бунта, но выбрать при этом *нечто третье*, а именно требующую великой толерантности постепенность прогрессивных реформ, возникает тогда, когда в обществе назрели необратимые перемены. За последнее десятилетие своей истории Россия успела осознать одинаковую пагубность позднефеодальной рутины «развитого социализма» и анархии «дикого рынка».

Как представлялось с началом процесса, именуемого «перестройкой», странам, ранее входившим в состав СССР и социалистического лагеря, удастся перейти к демократии без особых проблем. К такому мнению можно было прийти, учитывая общий кризис тоталитарной системы, неспособность ее обеспечить экономическое развитие и процветание граждан, негативное отношение к ней в последние годы во всех без исключения слоях общества, даже в высших, не удовлетворенных ее возможностями, — словом, учитывая все, что можно выразить собирательным понятием «усталость от социализма».

Тем не менее первые десятилетия посттоталитарного развития в странах бывшего «советского блока», несмотря на явное копирование ими государственного устройства западных демократических обществ, не привели к возникновению действительно демократического устройства жизни. Попытки новой власти вступить в демократический диалог с народом

были расценены как признак ее слабости — в сравнении с «сильными» тоталитарными властями прошлого. Это спровоцировало анархию, сопровождавшуюся насилием. Преодоление анархии привело, в свою очередь, к всевластию чиновников. Все сферы жизни посттоталитарных обществ оказались под их контролем, который погасил широкую общественную инициативу, нацеленную на преобразование и поиски нового.

Демократизация «по западному типу» потерпела относительную неудачу вовсе не потому, что не были скопированы *формы* устройства западного демократического общества, не потому, что недоставало желания демократизировать общество, не потому, что оказалась чересчур сильной и косной государственная машина. Как политик, так и чиновник в посттоталитарном обществе всегда ориентируются на общественное мнение в стране и предпринимают «реставрационные» меры только тогда, когда рассчитывают на поддержку широких общественных слоев. *Первоочередным препятствием для демократизации «по западному типу» является ментальная инерция, по разному проявляющаяся у представителей каждого общественного слоя в посттоталитарных обществах.*

Вывод, который является единственно возможным для России сегодня, — это, по сути, тот же вывод, который был сделан в аналогичных исторических ситуациях в Англии и во Франции: спасти страну способна только толерантность, которая соединяет крайности — вначале на «социалистическом» предприятии, без банкротства и массовых увольнений переходящем к «рынку», затем — в парламенте, где правые и левые, доньше склонные к насильственному подавлению противника, привыкают не только выслушивать друг друга, но и сотрудничать в одних и тех же комиссиях, решая конкретные проблемы жизни страны, а далее — и в фигуре правителя, сочетающего в себе монарха и буржуа.

6

Жизненная стратегия толерантности, нацеленной не на победу над противником, а на конструктивное сотрудничество с ним — медленный прогресс лучше быстрого социального катаклизма! — требует глубокого изменения сознания общества и индивида. Оно должно освободиться от боевитости и непримиримости, причем не только в этике и в политике, на поверхности, но и в глубине, в основополагающих мировоззренческих представлениях, в сфере онтологии и гносеологии.

Нацеленность на победу возможна только при условии веры в свою абсолютную правоту. Философия, нацеленная на победу, оперирует понятиями истины и заблуждения. Философия толерантности допускает множественность истин, которая соответствует множественности «жизневоззрений» в индустриально-рыночном обществе. При однообразии мышления у всех членов общества не может быть ни рынка, ни разделения труда, ни свободы предпринимать. Рынок, разделение труда, свобода предпринимать ежедневно, ежечасно порождают разнообразие мышления. Только философ способен глубокомысленно рассуждать, что тут первично, что — вторично. В жизни и в жизневоззрении человека практического — от уличного торговца до капитана индустрии — изменение в действиях происходит одновременно с изменениями в менталитете. Его мышление неразрывно сплетено с практической деятельностью и постоянно изменяется вместе с ней.

То, что именовалось в философских учениях четырех прошлых веков Природой, Разумом, Волей, на самом деле вовсе не было чем-то объективно-реальным, принадлежащим к космическим, бытийным силам. Все это были лишь философские смыслообразы, выражающие состояния и движения народного менталитета, — разумеется, в зависимости от того, каким видел его философ и каким он желал его видеть, активно навязывая свое видение другим. Наглядные примеры из неорганического царства, из жизни растений и животных были всего лишь проясняющими аналогиями или способами подвести читателя к выводам, касающимся его собственного социального бытия. Если естествоиспытатель говорит о камнях или атомах, то он говорит именно о них — без всякой задней мысли. Но если философ рассуждает об атомах, самопроизвольно отклоняющихся от падения по прямой, о душах-монадах камней, которые спят без сновидений, о реализации Объективного Духа в царстве механики, химии и органики, о Творческой Эволюции в мире растений и животных, то можно быть уверенным: он говорит, намекая на человека, подталкивая читателя к выбору определенной жизненной стратегии.

Философия, трактующая материю как объективную реальность, живущую по своим собственным законам, неподвластным влиянию человека, на деле формирует таким образом сознание, которому остается только «отражать, копировать, фотографировать» существующий социальный порядок. Это —

философия охранительная, философия, сковывающая и убивающая всякую инициативу субъекта. Не может быть двух принципиально разных отражений, копий, фотографий одного и того же предмета. Могут быть лишь разные *точки зрения* на него. Различные наблюдатели (не деятели!) смотрят на одну и ту же вещь с разных сторон. Поэтому их истины-отражения односторонни и частичны, относительно и субъективны. Но кто это говорит? Кто может обвинять в частичности, односторонности, относительности и субъективности? Только тот, кто удивительным образом видит вещь всесторонне, абсолютно, в целом и объективно. Как она есть. Такая объективность не может быть суммой субъективностей, а тем более не определяется большинством при голосовании. Такая объективность свойственна только провидцу и ясновидцу, проникающему взглядом в самую суть — к вещи-в-себе. А сущность, как известно, никогда не складывается из суммы явлений.

Это — авторитарная теория познания, доминирующая в традиционных, а тем более — в «догоняющих» обществах. Одна истина — одна партия — один вождь. Именно на эту роль — духовного вождя и наставника — претендуют метафизик и теолог, донельзя боевитые и нацеленные на победу, вооруженные *оружием* логики, *арсеналом* аргументов и методов.

7

Проблема современного российского общества — как внутренняя, так и внешняя, возникающая при взаимодействии его членов с иными культурами, — состоит в преодолении собственного авторитарного мышления, постоянно нацеленного только на войну с противником и на победу над ним. Время не воевать, а строить. Строить общество, в котором нет и не может быть приказа и бездумного повиновения, нет и не может быть презрительного слова «отсебятина», заменяющего слово «инициатива». Время строить общество, в котором разномыслие и разнодействие не надо *разрешать* и *терпеть*, поскольку они необходимы в нем и настолько естественны, что становятся незаметными — как воздух, которым мы дышим.

Как говорил профессор Преображенский у М. А. Булгакова, разруха существует не в окружающем мире, а в головах людей. Точно так же традиционное общество существует не только и не столько в наблюдаемых формах организации человеческой деятельности, сколько в их головах — в том, как видят мир и жизнь в нем люди. Нетерпимость к инакомыслию

в традиционном, а также и в вечно «догоняющем» обществе имеет отнюдь не моральное первопроисхождение: она коренится в конечном счете в вынужденном навязывании всем безальтернативного образа действий. Нетерпимость к инакомыслию вполне соответствует образу жизни, образу хозяйственной деятельности членов традиционного или «догоняющего» общества и постоянно будет воспроизводиться до тех пор, пока этот образ жизни не изменится.

Пока скудные условия жизни без всяких излишков — от урожая до урожая, от зарплаты до зарплаты — будут порождать страх голода и нищеты, традиционное общество и низшие слои «догоняющего» общества будут держаться изо всех сил за отработанный веками способ деятельности предков. При натуральном хозяйстве все делают всё, и должны делать это строго единообразно, как делали их отцы, деды и прадеды. *Поскольку способ видения вещи определяет способ действия с ней, образ вещи должен быть единообразен у всех.* Обучение и воспитание в традиционном обществе сводится к усвоению такого единообразного видения вещей как *пред-метов*, как того, что дано заранее в одинаковом для всех виде. Вещь такова, какой ее видит старший, подающий пример деятельности с этой вещью для всех. Но его авторитет подкрепляется распространением убеждения в том, что вещь такова *по своей сущности, на самом деле, по природе своей*, что она такова от Бога.

В Америке начала XX в. был распространен анекдот, комизм которого определялся странностью мышления, свойственного традиционному обществу, во времена общества индустриального. Когда у одной старой дамы, вполне освоивший первую массовую машину Форда — «модель Т» — спросили, не считает ли она, что у этого автомобиля должна быть еще одна передача, она заявила: «Если бы Господь захотел, чтобы она была, он сотворил бы ее». Услышавший эту вполне реальную историю американец искренне веселился, потому что понимал, насколько его собственный способ видения предмета как созданного человеческим умом и трудом расходится с тем способом восприятия предмета как Божьего творения, который существовал в традиционном обществе.

Два этих способа видеть предмет несовместимы. Один, свойственный старой леди, предполагает смирение перед Божьей волей, пассивное принятие ее. Ясно, что никакого технического прогресса при таком видении предмета достигнуть невозможно.

Другой предполагает, что предмет дан не от века, не от Природы, не от Бога. Предмет этот — предмет индустриального общества — придуман и создан человеком, а значит, человеком же может быть изменен. Согласимся, что старые, свойственные традиционному обществу гносеологические формулы звучат применительно к предметам общества индустриального несколько странно: «природа автомобиля состоит в том, что...»; «сущность автомобиля заключается в ...»; «следует отличать сущность автомобиля от явления автомобиля...» и т.п.

Видение предмета, предуготовленное и сформированное схоластической гносеологией в традиционном обществе, предполагает и вполне определенные отношения между людьми. Налицо явное неравенство: кому-то предмет предстает всего лишь как явление, а кто-то видит его сущность. Естественно, что второй из них имеет право поучать первого, наставлять его и всячески командовать им.

Ни о какой сколько-нибудь устойчивой толерантности речь не может идти до тех пор, пока сохраняется представление о вещах-в-себе, о вещах-самих-по себе, суть которых раз и навсегда определена объективными силами — Богом или Саморазвивающейся Материей. Толерантности не может быть до тех пор, пока сохраняется разделение вещи-в-себе и вещи-для-нас, сущности и явления, пока существует абсолютное разделение и противопоставление субъекта и объекта, пока существует представление об объективной истине.

Толерантность состоит в признании права другого на инакомыслие только и единственно по той причине, что другой настолько же достоин уважения как личность, насколько этого уважения заслуживаешь ты, проявляющий толерантность.

*Но может ли искренне признать право на разномыслие человек, который полагает, будто существует хотя бы одна **объективно реальная** вещь?*

Представим себе такую ситуацию: два человека обсуждают третьего, знакомого им, — допустим, некоего Петрова. Один из них говорит: «Ты, Сидоров, знаешь Петрова с одной стороны. Я, Иванов, знаю его с другой. Каждый из нас знает, каков Петров для него, каким он является нам. Но это — знание поверхностное и субъективное. Есть еще Петров сам по себе, Петров-каков-он-на-самом-деле!»

Согласимся, что говорящий так несколько лукавит. Еще не родился такой человек, который во всеуслышание искренне

признался бы, что его знание — поверхностное и субъективное. Ведь я могу назвать какое-то знание поверхностным и субъективным только тогда, когда я обладаю знанием глубоким и объективным: только в сравнении с этим вторым знанием выявляется поверхностность и субъективность первого знания. Однако если у меня два знания — одно поверхностное, субъективное, а другое — глубокое и объективное, почему же я не приведу их в соответствие между собой? Не говорит ли это о моих невысоких умственных способностях?

Что имеет в виду Иванов, говоря об объективном знании Петрова-как-он-есть-на-самом-деле? Что он опросил тысячу или более знакомых Петрова и собрал сведения о том, каков Петров для каждого из них? Разумеется, нет. Из суммы неизбежно противоречащих друг другу субъективных знаний о Петрове, которыми обладает все множество его знакомых, невозможно составить объективное мнение о нем. Оно все равно будет субъективным — как сумма субъективных знаний.

Лукавый Иванов, говоря свои слова, подразумевает нечто иное. Он-то полагает, что ему известно, в отличие от собеседника, не только то, каков Петров для него, но и то, каков Петров объективно. Ему известна сама **сущность** этого Петрова. А потому он прав, т. е. его мнение, выдаваемое за объективную истину, будет господствующим.

Речь идет всего лишь об отработанном веками приеме воздействия на собеседника, известном со времен Сократа. Тот вначале заявлял: «Я знаю, что ничего не знаю». Когда собеседник начинал потешаться над ним, мудрецом, который не знает ничего, Сократ говорил: «А ты знаешь что-нибудь? Расскажи, что знаешь». После выявления множества противоречий и несообразностей в знании пришельца под градом хитрых вопросов Сократа оказывалось, что собеседник тоже не знает ничего. И тогда Сократ делал вид, что теперь они, двое незнающих, отправляются на поиски истины. Однако Сократ прекрасно знал заранее, куда они придут! И умело направлял своими вопросами спутника в поисках истины — так, что тот всегда приходил к истине, нужной Сократу.

Впоследствии терминология, описывающая подобное «убеждение», несколько изменилась, но метода осталась прежней. Вначале теолог или метафизик обрушивались на субъективные мнения и призывали искать объективную истину, торжественно клялись служить только ей и понуждали давать такие

же клятвы всех остальных. В результате легковверные слуша-тели отказывались от собственных знаний. Теологу и метафизику оставалось только выдать свои знания за объективную истину.

Мы, разумеется, не станем утверждать, подобно чересчур резким в суждениях просветителям, что теология и метафизика возникают там, где встречаются простак и обманщик. Обманщик знает, что он обманывает. Теолог же искренне верит, что у него есть преимущественный доступ к Богу и Его мудрости. Метафизик искренне полагает, что мироздание избрало именно его, чтобы раскрыть свои тайны и подлинные смыслы. Теолога и метафизика отнюдь не смущает, что они отправляются, вместе с внимающими им учениками, на поиски объективной истины, но в то же время как бы взирают на ход таких поисков откуда-то со стороны и судят о том, как этот поиск протекает. Все это напоминает соревнования по спортивному ориентированию, один из участников которых в одно и то же время пробирается сквозь чащу и является судьей, сидя на горе с биноклем.

Теолог ищет Бога, но в то же время уже нашел его, поскольку наставляет паству, в каком направлении и как следует искать. А как наставлять, если ты и сам не ведаешь, где находится Бог? Значит, ты его уже нашел, раз знаешь, где он находится? Метафизик утверждает, что абсолютная истина недостижима, но мы постепенно движемся к ней. Но как он может знать об этом, если сам не ведает, что такое абсолютная истина, какова она и где пребывает? Нет, он вполне искренне полагает, что ведает, по крайней мере, ближе всех других приблизился к ней. А потому действительное его место не в рядах искателей истины, а высоко на горе или в башне из слоновой кости, откуда видна и истина, и массы блуждающих по долинам и оврагам в ее поисках. Только оттуда, с вершины, можно судить, кто и как приближается к истине объективной, к истине абсолютной, к действительному знанию о предметах, как они есть на самом деле.

Может ли такой человек, который полагает, что сидит на горе, с которой видна объективная истина, искренне быть толерантным к блуждающим в долине? Может ли он искренне уважать всякого другого и оставлять за ним право на самостоятельное мышление, на высказывание собственного мнения? Ведь этот другой — профан в сравнении с ним. Он — *отстаю-*

щий в поисках истины, и это слово имеет такой же презрительный оттенок, с каким оно звучит в российской школе. Отстающий — значит, двоечник. Можно ли уважать двоечника? Толерантно относиться к нему и к его суждениям? Разумеется, нет. Его надо *оценить* со всей принципиальностью и требовательностью, выставив ему «неудовлетворительно». Толерантность к двоечнику может быть только временной и непродолжительной. Педагог, пересиливая себя, мирится с его вечными оправданиями, со скрытым отвращением знакомится с его ошибочным мышлением, отличающимся от собственного — правильного. Но рано или поздно терпение его лопаается.

Не являются ли такими же *отстающими* в глазах теолога и метафизика все остальные люди? Не полагает ли каждый из них, подобно Платону, что все остальные сидят в пещере, и только он уже вышел из нее к свету?

Но какая же толерантность может проявляться ко взглядам пещерных жителей?

Теолог и метафизик находят общий язык с правителями традиционных обществ именно потому, что все они одинаково авторитарны. А общую социальную опору в традиционном обществе они обретают в лице столь же авторитарных глав больших семейств, которые верховодят в общинах. Вот социальный блок, с которым приходится вести борьбу людям предпринимателям, и соратниками в такой борьбе неизбежно становятся критики теологии и метафизики. Те, кто начинает подкапываться под представление об объективных вещах — под краеугольный камень метафизики.

Философы *Нового времени* — времени индустриально-рыночных обществ — прекрасно сознавали свою социальную миссию. Она виделась ими вовсе не только в том, чтобы победить в споре с теологами и схоластами, в учениях которых находят свое оправдание порядки традиционного общества. *Миссия их в том, чтобы предложить всем людям предпринимателям мировоззрение, поддерживающее их в жизненной борьбе за общество нового типа.* Если бывают мировоззрения, которые смиряют и утешают (в частности, теологические и метафизические), то могут быть и мировоззрения активизирующие, побуждающие волю к победе, к поиску и утверждению нового. Именно такие мировоззрения и требуется развить, внятно выразив в них черты менталитета предпринимателей.

8

Современный российский философ находится в лучших условиях, чем европейский философ Нового времени. Он может учиться на чужом опыте и чужих ошибках. Он знает, как качался маятник нетолерантности на Западе — от тирании короля к тирании революционной толпы, — пока не пришел в точку равновесия и толерантности, описанную О. Контом словами «прогресс и порядок». Но, умножая познание, он умножает и скорбь, поскольку все более сознает невозможность усвоения чужого опыта народным менталитетом. История никого ничему не учит теоретически: она заставляет каждый народ и каждого человека пройти свой тяжкий путь к толерантности и к сотрудничеству на новых принципах свободы и ответственности.

Философ и историк философии могут лишь помочь человеку и обществу самостоятельно прояснить для себя, что с ним происходит. Помочь, занимаясь *пониманием* мыслей и чувств людей прошлого и настоящего. Помочь, рассказывая о них своим современникам и давая выговориться им самим.

9

Ментальная инерция, существующая в постсоциалистических обществах, является главным препятствием для демократизации их жизни и обеспечивает политическую поддержку «реставрационных» мер в них. Посттоталитарное сознание представляет собой принципиально новый феномен, возникающий в результате «сложения векторов», один из которых — искреннее стремление к демократизации общества, к действительному «народовластию», второй — влияние рутины тоталитарных мыслительных стереотипов, третий — инерция менталитета народа, сложившаяся на протяжении веков в данном регионе, в соответствии с его социальной, экономической, культурной спецификой. Посттоталитарное сознание не может пониматься, однако, как простая сумма этих тенденций, но представляет собой качественно новое явление, возникающее на их основе; оно отличается от западного демократического сознания, и от тоталитарного сознания, и от «традиционного» сознания данного народа, существовавшего на протяжении многовековой его истории. Инерция менталитета народов посттоталитарных стран выражается в сохранении его основных черт, определяемых многовековой традицией, *вопреки* всем идеологическим воздействиям — как воздействиям «западнобуржу-

азным», так и «западносоциалистическим». Традиционный менталитет дистанцируется от этих воздействий, отделяет себя от них и критически относится к ним, в случае репрессивного давления лишь *демонстрирует* их восприятие в чисто внешних формах, а на деле активно приспосабливает навязанные «показные» формы для выражения своего собственного содержания. С другой стороны, эта инерция не абсолютна, поскольку относительно адаптированные новые формы, навязываемые идеологически, со временем превращаются в составляющие традиционного менталитета, несколько видоизменяя его. Новые формы деятельности, в контексте которых постоянно существует менталитет, довершают дело.

Таким образом, главным вопросом исследования является вопрос о выяснении особенностей традиционного менталитета, сохраняющего значительную степень инерции по отношению к идеологическим — «демократическим» и «тоталитарным» — воздействиям, в различных постсоциалистических обществах. Исследование этих особенностей только и позволят оценить эффективность уже произошедших на протяжении последних полутора десятилетий преобразований, определить перспективы дальнейшего реформирования посттоталитарных обществ и избрать наиболее действенные пути и средства такого реформирования (resp. воздействия на общество с учетом особенностей инерции существующих в нем менталитетов).

Поле исследований ментальной толерантности должна стать широкая пограничная область, в которой встречаются ментальная история (в исследовании которой особенно продвинулась школа анналов), этнография, социальная психология, «понимающая» история философии, основанная на принципах В. Дильтея и К. Ясперса. Религиозная, политическая, межэтническая толерантности останутся поверхностными и непрочными до тех пор, пока не будут исследованы реальные менталитеты взаимодействующих социальных субъектов. До сих пор представления об этих менталитетах умозрительно конструировались философами и публицистами. Изучить их реально можно только путем герменевтического и «понимающего» постижения, основанного на достоверном материале ментальной истории. Компаративистское изучение менталитетов позволяет преодолеть рационалистическое представление о принципиальном взаимонепонимании людей, принадлежащих к разным культурам.

Методы изучения возможностей ментальной толерантности и ментальной инерции должны представлять собой принципиально новый инструментарий. Использование социологических опросов и фокус-групп среди различных категорий населения должно быть нацелено не на выявление простого отношения опрашиваемых к фактам и выяснение простейшей оценки их, но на понимание того, каким образом эти факты вписываются опрашиваемыми в систему их ментальных представлений. Особое значение при этом имеет анализ влияния российской школы на формирование толерантности, гуманистического мышления и на сохранение традиций национального менталитета. Только сочетание такого рода исследований с анализом этнографического материала, данных «ментальной истории», черт социальной психологии позволит прийти к теоретическим выводам и рекомендациям, относящимся к сфере *философии понимания и сотрудничества*.

10

Философия должна врачевать души, а не выстраивать ряды и колонны. Такова ее толерантная миссия в современном мире.

В. О. Лобовиков

Екатеринбург

ЭКОНОМИКА И ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОТ РИГОРИЗМА К ТОЛЕРАНТНОСТИ (ДИСКРЕТНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МОРАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЦЕННОСТИ РЫНОЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

И спросил Его некто из начальствующих: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог.

Знаешь заповеди: не прелюбодействуй; не убивай; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца твоего и мать твою.

Он же сказал: все это сохранил я от юности моей.

Услышав это, Иисус сказал ему: еще одного не достает тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи следуй за Мною.